УДК 882А – 3.06

ПРОБЛЕМА «ЧИСТОЙ ЖЕРТВЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ Л.АНДРЕЕВА

Косенко А.А., аспирант

Запорожский государственный университет

В статье рассматривается проблема «чистой жертвы» и специфика трансформации традиционного библейского материала в творчестве Л.Андреева («Тьма», «Мои записки», «Земля», «Сашка Жегулев», «Дневник Сатаны»).

Ключевые слова: традиционная фигура, трансформация, ассоциация, парадокс.

Косенко О.О. ПРОБЛЕМА «ЧИСТОЇ ЖЕРТВИ» У ТВОРЧОСТІ Л.АНДРЄЄВА / Запорізький державний університет, Україна.

У статті розглядається проблема «чистої жертви» та специфіка трансформації традиційного біблейного матеріалу в творчості Л.Андрєєва («Темрява», «Мої записи», «Земля», «Сашко Жегульов», «Щоденник Сатани»).

Ключові слова: традиційна фігура, трансформація, асоціація, парадокс.

Kosenko A.A. THE PROBLEM OF «PURE SACRIFICE» IN THE WORKS BY L.ANDREYEV / Zaporizhzhya state university, Ukraine

The article deals with the problem of «pure sacrifice» and with the specific character of transformation of traditional Biblical material in the works by L.Andreyev («The dark», «My papers», «The land», «Sashka Gegulev», «Diary of Satan»).

Key words: traditional figure, transformation, association, paradox.

Несмотря на внушительное количество исследований прошлого века, посвященных художественному наследию Л.Андреева, проблема, так называемой, «чистой жертвы» осталась без внимания литературоведов. Данная работа – первая попытка выделения и рассмотрения этого аспекта творчества, во многом детерминирующего идейно-художественную специфику использования и трансформации традиционного библейского материала в прозе Андреевым.

Определение проблемы – условно и может варьироваться («жертва чистотой», «нравственная жертва» и т.д.), однако суть остается неизменной: речь идет, прежде всего, о приобщении личности к греху и страданию человечества через сознательный отказ от «нравственного спокойствия», «душевного целомудрия», непорочности. Иными словами, «стыдно быть хорошим» [1,288] в стонущем от горя и отчаянья, утопающем в крови и грязи мире, так же, как должно быть стыдно красавцу среди изуродованных пытками, здоровому – среди неизлечимо больных, сытому – среди голодных. Невозможность для порядочного человека оставаться таковым обусловлена не «пагубным» влиянием среды, но осознанием необходимости отказа от собственного превосходства (жертвой), признанием «неуместности» и бесполезности «чистоты», - парадоксальная идея, повторяющаяся во многих произведениях Андреева.

В «Иуде Искариоте» данная проблема только намечена, выделены и дифференцированы два мотива («невинной жертвы» - Христос, и «нравственной сытости» [цит. по 2,538] – апостол Иоанн), впоследствии оригинально синтезированные и трансформированные. Лучший ученик – «красивый, чистый, не имеющий ни одного пятна на снежно-белой совести» [3,214], - оказывается в числе трусливых предателей Иисуса, покорно принимающего смерть «за грехи мира».

Во «Тьме» художественное развитие проблемы «чистой жертвы» вновь сопровождается апелляцией к фигуре Христа. Революционер Алексей ассоциируется с евангельским Мессией («Мы крест на спине несем» [1,281]; общие семантические доминанты – «самопожертвование», «мессианство», аскетизм, целомудрие).

Автор указывает на необходимость рассмотрения фигуры террориста в контексте «вечности»: «Будто он жил уже когда-то, - но не в этом доме, а в месте, очень похожем на это, и как-то действовал, и даже был очень важным в этом смысле лицом, вокруг которого что-то происходило» [1,281].

В то же время, Алексей отмечен «пороком Иоанна» («нравственной сытостью»). Он гордится своей душевной чистотой и красотой настолько, что гордость эта перерастает в самолюбование, презрение к другим, к тем, за счастье которых он борется. «И так все это было противно, и так странно было подумать, что это – тоже жизнь, и такой жизнью люди могут жить всегда, что он с недоумением пожал плечами и еще раз медленно оглянулся» [1,277]. Или: «И страшно бледный, почти синий, но все так же молча, с тем же видом высокомерия и горделивого недоумения, остановился на Любе своими тяжелыми,

неподвижными глазами» [1,278]. Такое поведение закономерно вызывает возмущение Любы: «Ну что же ты молчишь! Что же ты со мною делаешь, подлец, подлец же ты. Руку поцеловал! Хвастаться сюда пришел! Красоту свою показывать!» [1,278]. Или «И строго, с зловещей убедительностью, за которой чувствовались миллионы раздавленных жизней, и море горьких слез, и огненный, непрерывный бунт возмущенной справедливости – она спросила:

- Какое же ты имеешь право быть хорошим, когда я – плохая?» [1,287].

Возможно, такое «нравственное высокомерие» у андреевского героя – от увлечения писателя идеями Ф.Ницше. «Человек благодетельный удовлетворяет потребность своего духа, когда благотворит. Чем сильнее эта потребность, тем меньше думает он о другом, который служит ему средством для удовлетворения его потребностей: он бывает неделикатен и даже иногда оскорбляет» [4,136].

Все творчество Андреева свидетельствует о том, как неприятен и неинтересен был ему «не испачкавшийся» о грех, не ведавший душевных мук, кичащийся своей «праведностью» герой. В центре художественного мира писателя – именно «падшая» личность. «Хороший», по-андреевски, значит - равнодушный к страданиям других, любующийся собственной добродетелью, отгородившийся примитивной, «книжной» моралью ото всех, кто «раздавлен жизнью» [1,298]: не может быть рая для одного, «это уже не рай, девицы, а просто-напросто, свинство» [1,298]. Возможно, это отголоски карамазовского бунта: «от высшей гармонии совершенно отказываюсь» [5,223]. Отрицание Бога вызвано нежеланием мириться с «необходимым» страданием: «Бог-то ведь тоже хороший!» [1,290]. И чистый, непорочно-прекрасный Христос не нужен миру: «Иисус, Иисус! Зачем так чист, так благостен Твой лик? Только по краю человеческих страданий, как по берегу пучины, прошел Ты, и только пена кровавых и грязных волн коснулась Тебя, - мне ли, человеку, велишь Ты погрузиться в черную глубину? Велика твоя Голгофа, Иисус, но слишком почтенна и радостна Она, и нет в ней одного маленького, но очень интересного штришка: ужаса бесцельности!» [6,150]. Пожертвовать жизнью – не достаточно ни для Мессии, ни для революционера (”Жизнью жертвуешь, да? А жандарм не жертвует? А сыщик не жертвует? А любой дурак на автомобиле не жертвует?» [7,116]). Нужна жертва праведностью – вот путь «высшего» альтруизма. «Или еще: кто душу свою положит – не жизнь, а душу – вот как я хочу. Но разве сам Христос грешил с грешниками, прелюбодействовал, пьянствовал?» И далее: «Разве там на площади, перед этими разинутыми ртами, я не буду выше их всех? Голый, грязный, оборванный – у меня тогда будет ужасное лицо – сам отдавший все – разве я не буду грозным глашатаем вечной справедливости, которой должен подчиниться и сам Бог – иначе он не Бог!» [1,293]. Сомнения сменяются уверенностью в правильности решения, и Алексей, ассоциирующийся с Христом «исправляет» его «ошибку»: «Она была прекрасна, моя жизнь. Она была чиста и прекрасна, моя жизнь. Она была, знаете, как те красивые вазы из фарфора. И вот глядите: я бросаю ее!» [1,300].

Уход «во тьму» продиктован не «неодолимым влечением ко злу», не «крайней степенью нравственной деградации» [8,84], но стремлением стать ближе к тем, за счастье которых боролся. Ведь все они - «подлецы», «мерзавцы», «сифилитики», «слепые от рождения» [1,288], - часть страдающего народа. У одного из «учителей» Андреева, А.Шопенгауэра, находим: «И все то, что доброта, любовь и благородство делают для других, сводится к смягчению их мук, и следовательно, то, что может побуждать к добрым делам и подвигам любви, - это лишь познание чужого страдания, непосредственно понятого из собственного страдания и приравненного к нему» [9,349].

В «Земле» Бог бранит ангела, побывавшего среди людей и не испачкавшего белых одежд: «Себя, я вижу, ты берег в высшей мере, а людей, к которым послан, не берег, и противен ты Мне за это» [10,66]. Большинство ангелов на земле «запятнали» себя «до неузнаваемости». «Видел я их в кабаках и тюрьмах, где питаются они из общего котла с ворами и убийцами; видел их среди прелюбодеев, журналистов и всякого рода грешников» [10,66]. «Посланцы неба» восстают против несправедливого мироустройства, «небесной дискриминации», против равнодушного Бога. По Библии, взбунтовавшиеся ангелы низвержены Господом, андреевские же ангелы сами себя низвергли, затерявшись среди крови и грязи. «Вот мы пойдем на небо и снова оденем белые одежды, а как же те, которые останутся? Если идти, так уж всем, а одни мы не пойдем» [10,66].

Идея «светлой жертвы» получает дальнейшее развитие в романе «Сашка Жегулев», главный герой которого вновь ассоциируется с Христом (невинная жертва, страдалец за грехи других). Писатель подчеркивает необходимость отдать «всечеловеческой грязи, страданию и смерти» [7,150] нравственную красоту и спокойствие. «Смотри, вот твоя земля, плачет она в темноте. Брось гордых, смирись, как я смирился. Саша, ее горьким хлебом покормись, ее грехом согреши, ее слезами, того-этого, омойся!» [7,131]. Погодин прямо заявляет: «Но я отдам ему [народу] все, что имею: чистоту» [7,143].
Примечательно, что «чистая жертва» воспринимается уже не как отчаянное погружение во тьму («погасим же огни и все полезем в тьму» [1,298], но как попытка осветить ее «глубиной страдания» [7,86]. И Колесников свято верит: «на чистой крови вырастают цветы» [7,117]. «Нужна ли была его [Погодина] жертва?» – вот один из важнейших вопросов в романе. «Кому во благо отдал он всю чистоту свою, радости юношеских лет, жизнь матери, всю свою бессмертную душу?» [7,235].

Степень «утилитарности» «чистой жертвы» – крайне незначительна, но именно осознание бесцельности, абсурдности (которых не достает подвигу Христа) возвышают «добровольно падшего». Это – герой перед лицом Абсурда, типологически схожий с Сизифом А.Камю.

В итоговом романе Андреева «Дневник Сатаны» Магнус, объясняя Сатане, «что значит до конца принять человека» [11,192], рассказывает историю ссыльного, собственноручно зарезавшего мальчика, которого сектанты хотели принести в жертву божеству. Не сумев убедить фанатиков отказаться от кощунственного намерения, этот человек решил: «лучше на себя возьму этот страшный грех и кару за него, нежели отдам аду этих невинных глупцов» [11,193]. Идея «чистой жертвы» получает максимально парадоксальное развитие: высший альтруизм оборачивается убийством невинного ребенка (из-за «слезинки» которого Карамазов когда-то отказался от «мировой гармонии»).

Концепция «чистой жертвы» – одна из составляющих «иррациональной этики» Андреева, утверждающей относительность «добра» и «зла») («я еще не знаю, что это значит «большое зло?» Может быть, это значит: «большое добро?» [11,200]). Шокирующая обывателя, возмущающая христианина и, во многом, перекликающаяся с ницшеанством, – система взглядов Андреева на проблемы нравственности детерминирована различными факторами, среди которых, и открытое неприятие религиозных догматов, и «космический пессимизм» [12,357] от Шопенгауэра и Гартмана, и постоянное стремление к оригинальности, художественному эпатажу, разрушению норм и традиций. Известно обещание юного писателя «своими писаниями разрушить и мораль, и установившиеся человеческие отношения» [13,55]. В позднем дневнике Андреева есть запись: «Я хочу показать, что на свете нет истины, нет счастья, основанного на истине. Нет свободы, нет равенства, - нет и не будет» [14,49]. Умонастроения Андреева закономерно отражаются в его творчестве (экспрессионистские тенденции) и определяют специфику трансформаций традиционного библейского материала (фигур Бога, Христа и ангелов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Тьма / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах. – М.: Художественная литература, 1990.-Т.2.-С.265-310.
2. Комментарии / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах.-М.: Художественная литература, 1990.-Т.2.-С.503-558.
3. Андреев Л. Иуда Искариот / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах.-М.: Художественная литература,1990.-Т.2.-С.210-265.
4. Ницше Ф. Утренняя зоря.-Свердловск: Воля,1991.-304с.
5. Достоевский Ф. Братья Карамазовы / Ф.Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах.-Л.: Наука, 1976.-Т.14.-С.5-508.
6. Андреев Л. Мои записки / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах.- М.: Художественная литература, 1994.-Т.3.-С.113-183.
7. Андреев Л. Сашка Жегулев / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах.-М: Художественная литература, 1994.-Т.4.-С.73-259.
8. Арсентьева Н.Творчество Л.Андреева в контексте христианской антропологии (проблема добра и зла) / Эстетика диссонансов (о творчестве Л.Андреева). Межвузовский сборник научных трудов.- Орел: Издательство Орловского государственного педагогического университета, 1996.- С.79-86.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А.Шопенгауэр. Собрание сочинений в пяти томах.- М.: Московский клуб, 1992.-Т.1.-С.3-394.
10. Андреев Л. Земля / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах.-М.: Художественная литература, 1994.-Т.4.-С.63-67.
11. Андреев Л. Дневник Сатаны / Л.Андреев. Собрание сочинений в шести томах.-М.: Художественная литература, 1996.-Т.6.-С.117-249.
12. Горький М. Из предисловия к роману Л.Андреева «Сашка Жегулев» / Русская литература XX века.-М.: Просвещение, 1971.-С.356-358.
13. Брусянин В.Леонид Андреев. Жизнь и творчество.- М.: Книгоиздательство К.Ф.Некрасова, 1912.- 126 с.
14. Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-19190).-М.-С.-П.: Atheneum-Феникс, 1994.-598 с.